

**БИБЛИОТЕКА
КРОКОДИЛА**

№ 6

(1114)

ИЗДАЕТСЯ С 1945 ГОДА

**Владимир
КОНСТАНТИНОВ,
Борис РАЦЕР**

СМЕХ, ДА И ТОЛЬКО!..

*Сатирические стихи
и фельетоны*

Рисунки О. ТЕСЛЕРА

**МОСКВА
ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ПРАВДА»
1991**

И СМЕХ, И СЛЕЗЫ...

РУССКИЕ ЖЕНЫ

Жены русские нынче в цене,
Посходила с ума заграница —
В мало-мальски приличной стране
Стало модой на русских жениться.
Что причиной тому? Красота?
Да, тут спорить, пожалуй, не стоит,
Но и прочих не менее ста
Есть у нашей невесты достоинств.
Мистер Хорт, не делец, не банкир,
Ресторанный швейцар в Вашингтоне,
Приезжал к нам бороться за мир
И попутно женился на Тоне.
И, поверьте, буквально в момент
Тоня весь Вашингтон поразила:
На питание тратила цент,
А стирала сама — и без мыла!
Чай без сахара Тоня пила,
И, с утра обойдя магазины,
Все продукты домой волокла
На себе, безо всякой машины.
Ни мехов никаких, ни обнов,
Ни колье не просила у Хорта —
Из его же протертых штанов
Дочке юбку пошила и шорты.
При такой работающей жене,
При такой экономной и скромной
Оказался швейцар на коне —
Ресторан он имеет огромный.
Он по праву вошел в каталог
Богатейших семейств в Вашингтоне
И спокойно плюет в потолок,
Кстати, тоже побеленный Тоней.

СЕКРЕТЫ СЕКСА

Ветеран трех войн и революций,
Что на весь район у нас один,
В лысой шапке, в полушубке куцем
Десять гастрономов исходил.
Старой бабке захотелось кекса,
Но его не сыщешь днем с огнем,
Вместо кекса он «Секреты секса»
Ей купил в киоске за углом.
Скажем прямо, дед про те секреты
Отродясь и слыхом не слыхал,
Но поскольку брали все газету,
То и ветеран не устоял.
Пообедав жидким постным супом
И усевшись в кресла визави,
Дед и бабка смотрят через лупу,
Так сказать, на технику любви.
Бабка стала красная, как кофта:
«Неужель на них управы нет?»
Девки так ласкали мужиков там,
Что едва с ума не спятил дед.
Кейфовал недолго наш бесстыдник,
Бабка зашипела, как змея:
«Ну чего, скажи, сидишь ты сиднем —
Мыть посуду очередь твоя!»
Глядя на диковинные ласки,
Дед со вздохом встал из-за стола:
«Вместо революции февральской
Лучше б сексуальная была!»

«БАНКИР»

Три девицы под окном,
Где сдают посуду,
Повстречали как-то днем
Сидорову Люду,

Муж которой, Константин,
Выступал за «Трактор»,
А теперь его в Турин
Взяли по контракту.
Наш футбольный бомбардир
Хоть в годах, но в силе,
Полтора миллиона лир
Косте отвалили.
У девиц укор в глазах:
— И не стыдно, Люда, —
При таких-то барышах
И сдавать посуду?!

Из-под пепси, молока,
Из-под простокваши —
Не срами хоть мужика,
Он же гордость наша!
Ну, а Люда им в ответ:
— Ишь, нашли банкира!
Все забрал Спорткомитет
До последней лиры.
Мой там, бедный, целый год
Макаронны только жрет
Да бульончик жидкий,
Ну а мне приветы шлет
Доплатной открыткой!

У ДВЕРЕЙ

Довелось нам объехать немало
И своих городов, и чужих.
Как-то раз по заданью журнала
В город Энск занесло нас двоих.
Три часа, проведенных в полете,
Разбудили у нас аппетит
(Нынче ужин дают в самолете
Только тем, кто четыре летит!),
И поэтому, бросив в отеле

Чемоданы свои и плащи,
 Мы стрелой в ресторан полетели,
 Предвкушая бифштексы и щи.
 Но у двери детина огромный
 Сразу дал от ворот поворот:
 — Вы куда?! Мы в одиннадцать ровно
 Выгоняем из зала народ!
 Все закрыто — кафе и буфеты... —
 И добавил уже за дверьми:
 — Для трудящихся сделано это,
 На работу народу к восьми.
 Должен служащий наш и рабочий
 Не проспать на завод и в бюро!
 — А в Париже, — сказали мы, — ночью
 В ресторанах сидят и бистро.
 И не гонит никто до рассвета —
 Веселятся, танцуют, едят...
 Но детина ответил на это:
 — Безработные — вот и сидят!

АМЕРИКА РОССИИ...

(по мотивам песни)

«Америка России
 Подарила пароход...» —
 Эту песню в дни былые
 Пел частенько наш народ.
 Времена пришли иные —
 Перестройка, хозрасчет,
 И Америка России
 Подарила... бутерброд.
 Ну не то чтоб подарила
 (Добрых нет теперь, увы!), —
 Бутербродную открыла
 В центре матушки Москвы.
 Бутерброды — загляденье,
 В них и завтрак, и обед...

Как-то в это заведение
Пригласил бабуся дед.
И, заморских яств отведав,
Так сказать, в избытке чувств,
Вдруг шепнула бабка деду:
«Я в Америку хочу!»
— Не одной тебе охота,
Многих тянет в Новый Свет,
Только у Аэрофлота
Самолетов лишних нет.
Люди вылететь не могут,
Месяцами спят у касс!
— Ну а мы попросим Бога,
Может, он услышит нас?
Две свечи зажгу большие
И поставлю на комод,
Чтоб Америка России
Подарила самолет!

ЗАЧЕМ?..

Односельчане в сельсовете
Пошли на лодыря стеной:
«Пора за дело браться, Петя,
А не торчать весь день в пивной!
Кругом такие перспективы,
Что аж захватывает дух —
Аренда, кооперативы,
И всем кредит открыл главбух!
Возьми гектара два в аренду
И разводи рогатый скот,
Того гляди свою «фазенду»
Уже построишь через год,
Жене из норки шубу справишь,
Себе — костюмчик выходной,
На лето тещу в Крым отправишь —
Вот и сиди себе в пивной!»

— Не понимаю, — молвил Петя, —
Зачем мне жисть менять свою,
Коль я и так с утра в буфете
Сижу весь день и пиво пью!

РОДИТЕЛЬСКОЕ СОБРАНИЕ

Различные профессии
В почете на Руси —
Литейщика и слесаря,
Водителя такси,
Геолога, строителя,
Врача, конферансье.
Но что ни говорите вы,
Профессия родителя
Стократ трудней, чем все.
Не зря, как на закляние
И как на Страшный суд,
На школьное собрание
Родители идут.
— Прошу мне первой слово дать! —
Сказала бабка Фрося, —
Отец футбол глядит, а мать
Приходит только в восемь.
За что я крест такой несу,
Скажите мне на милость —
Вчера легла в шестом часу,
Сегодня не ложила! —
И с геометрией хоть плачь,
И с алгеброю мука —
Две теоремы, пять задач,
Замучили вы внука!
А ведь задачи просто жуть —
Заняться людям нечем:
Одни из пункта А идут,
Другие — им навстречу.
А две трубы и водоем?

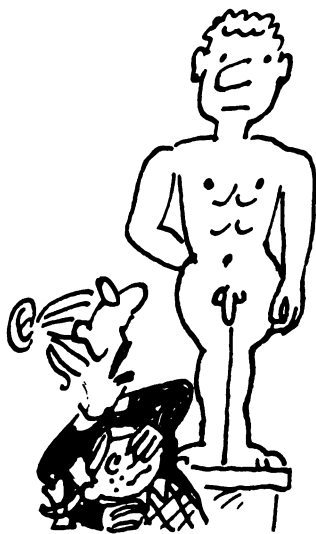

Всю ночь барахтаешься в ём!
А мой внучок ни бе ни ме,
Профессор для него я,
Четыре пишем, а в уме,
В уме — совсем другое:
Картошка кончилась опять,
Купить яичек надо...
Должны вы бабкам задавать
Уроков меньше на дом!
Ведь у меня делов гора,
Бельишко намокает,
Пол не подметен со вчера,
А я до самого утра
Все корни извлекаю!
Тут подал голос из угла
Отец Смирнова Васи:
— С тем, что тут бабка наплела,
Я в корне не согласен!
Чтоб из-за Васьки моего
Ночей недосыпать мне?
А педагоги для чего?
За что им деньги платят?
Мне семь часов соображать
На службе надоело!
Нет, наше дело их рожать,
И дальше — ваше дело!
А чтоб науку в них вдолбить,
Чтоб вас они любили,
Их всех линейкой надо бить,
Как в старой школе били.
— «Бить иль не бить» —
Не тот вопрос, —
Сказал другой родитель. —
О спорте — вот о чем всерьез
Должны поговорить мы.
Сегодня спорт всего важней,
Он в жизни все решает:
Вот мой племянник Алексей
Гоняет с детства шайбу.
Он в школе слыл за дурака,

А в вуз автодорожный
Набрал всего лишь три очка
Из двадцати возможных.
Но так умел бросать на борт,
Что принят был без звука —
На кой ему, скажите, черт
Нужна была наука?
И без науки хоккеист
Получит все, что надо;
Он будет жить, как интурист,
Кататься по Канадам.
Потом продастся в НХЛ
За ихние миллионы
И будет жить там вери велл —
С женой и без талонов.
— При чем тут спорт, при чем хоккей?! —
Раздался женский голос. —
Когда неправильно детей
Воспитывает школа!
Ну кто придумал культпоход
На фильм кошмарный этот, —
Что семиклассникам дает
«Ромео и Джульетта»?
Пересказал вчера сосед
Мне содержание вкратце:
Ей и четырнадцати нет,
Ему — всего шестнадцать!
А что творит историк ваш,
Ведь сам семейный вроде,
Зачем он в этот... в Эрмитаж
С учениками ходит?
Я там сама-то не была,
Но мне сказала Нина,
Что там в чем мама родила
Стоит в углу мужчина —
То ли Гомер, то ль Гераклит —
Ну этот хоть листком прикрыт,
А рядом Афродита —
Та вовсе не прикрыта!
Повез бы лучше он детей

В центральный парк культуры —
И чистый воздух, и музей,
Куда ни плюнь — скульптуры!
Доярка знатная с ведром,
А рядом — юноша с ядром.
И ясно всем как дважды два,
Что физкультурник это,
И пусть отбита голова,
Зато трусы надеты!
Да, часто, к сожалению,
От мамы, от отца
Мы слышим выступления
Такого образца.
Всегда в запасе жалобы
У них на школу есть,
А многим не мешало бы
Самим за парту сесть!

КОНКУРС КРАСОТЫ

Изобретен давно Европой
Престижный конкурс красоты.
Внедряя европейский опыт,
Мы их теперь проводим скопом
От Кишинева до Читы.
Не счесть сегодня «мисс» и «миссиес»,
Которых увенчали мы:
«Мисс Таганрога», «мисс Тбилиси»,
«Мисс Костромы» и Чухломы.
Измерив талии и бюсты,
Жюри садится вокруг стола,
Чтоб дать оценку их искусству
Ходить в чем мама родила.
А кое в чем мы углубили
Пришедший с Запада почин —
То ль на Урале, то ль в Сибири
Уже был конкурс для мужчин.

Но если дальше слухам верить,
В жюри, увы, никто не знал,
Что у мужчин, простите, мерить
И что считать за идеал.
— Чего тут думать?! — закричала
С галерки женщина одна,
И под веселый гогот зала
Жюри почтенному сказала,
Что лично мерила б она:
«В наш хозрасчетный век двадцатый,
Где и полтинник на счету,
Мужчин мы ценим за зарплату,
А не за ум и красоту...»
Тут разом кончились дебаты,
И все в один решилось миг:
Взял первый приз кооператор,
Второй, естественно, мясник.
А молодой профессор-химик,
Имевший степен, «Волгу», имя,
По прежним меркам — идеал,
В десятку даже не попал!

ТРИ ПИСЬМА

Нередко случаи бывали,
Когда влюбленные сердца
(Увы и ах!) охладевали,
Хоть клятвы пылкие давали
Любить друг друга до конца.
Вот три письма. Их, без сомненья,
Писала женская рука,
Причем, как видно из сравненья,
Писала в разные века.

1

Узнала нынче я, соколик,
Что ты с другою обручен...

Тебя, Васютка, не неволю
И не пытаю ни о чем.
Возьми назад платок атласный,
Что ты купил на рождество,
Мне от тебя, мой сокол ясный,
Не надо боле ничего.
Мне не забыть плакучей ивы
И тропки нашей луговой.
Прости-прощай! Иду к обрыву
И прямо в омут головой!

2

Любезный друг Василий Дмитрич,
Мой богом избранный супруг!
Я вас любила безгранично,
И что же я узнала вдруг?
Что вы с моей кузиной Нелли
В беседке были тет-а-тет!
Я возвращаю ожерелье
И ваш брильянтовый браслет.
Передо мной разверзлась бездна,
Не надо слов, на надо слез,
Прощай, мон шер, иду к разъезду,
Чтоб умереть под стук колес!

3

Василий! Мне сказала Нюра,
Что в доме отдыха «Прибой»
Завел ты с кем-то шуры-муры,
Кого-то видели с тобой.
Ты не на ту, дружок, нарвался,
Реветь не буду в три ручья,
Верни часы, трусы и галстук,
Что подарила сдуру я!
Твой аморальный облик вскрою
Я на собрание заводском.
Физкульт-привет! Иду в метро я
И еду прямо в твой партком!

ДУРАКИ

Уж так на свете водится,
Что испокон веков
На умного приходится
Десяток дураков.
Хоть боги нам с рождения
Дают все указания,
У умного сомнения,
У умного терзания,
В явлении любом он ищет суть,
Во тьме блуждая, верный ищет путь.
Ну а дурак, ну а дурак —
Он сразу знает, что и как.

Для мудрого не почести,
А истина — закон.
Но мудрый — в одиночестве,
А глупых — легион.
Не даст покоя умному
Печаль его отечества,
Он днем и ночью думает
О счастье человечества,
Как всех мечтой одной объединить,
Как мир на радость людям изменить,
Ну а дурак, ну а дурак
Доволен жизнью он и так.

Бесследно в веке каменном
Исчезли ледники,
Повымерли все мамонты,
Но живы дураки.
И не страшны их древнему
Бесчисленному племени
Ни проповеди гневные,
Ни гриппа эпидемии,
Ни лаву низвергающий вулкан,
Ни засуха, ни смерч, ни ураган.
Силен, как слон, живуч, как рак,
Не дуя в ус, живет дурак!

ИДЯ НАВСТРЕЧУ...

Идя навстречу требованиям масс,
В ответ на сотни писем и петиций,
Свой новый дом решил обком у нас
Отдать с ключами вместе под больницу.
Поскольку не был этот дом отнюдь
Для целей медицинских предназначен,
Пришлось проект пересмотреть чуть-чуть
И кое-что расположить иначе.
Там, где по плану Первый восседал,
Покой приемный и регистратура,
Рентгенокабинет, а также зал
Для водных процедур и физкультуры.
А там, где у Второго туалет,
Совсем иная, так сказать, начинка:
У главврача теперь там кабинет
И секретарша с пишущей машинкой.

ЗАКОННЫЙ ВОПРОС

Всем известный литератор,
Эмигрировавший в Штаты
Десять лет тому назад,
Выступал в программе «Взгляд»:
— Все, друзья, не так-то просто,
Если честно и всерьез,
И с жильем довольно остро
Там у них стоит вопрос.
Как в России, там не дружат,
В фэйф о клок — все по домам,
Никому ты там не нужен,
Всем до лампочки мы там.
Книг они читают мало,
Жизнь духовная бедна,
Очень много наркоманов,
Опустившихся до дна.

Вспоминаю ежечасно
Мой любимый Ленинград...
Что же, сказано прекрасно,
Но одно, увы, не ясно:
Если все там так ужасно,
Что ж не едет он назад?

АНТИБАСНЯ

Волк, медведь и два пингвина,
Покидая зоосад,
Заявили, что причина
В том, что кормят их мякиной
Вот уж пятый год подряд.
Но, пройдясь по магазинам,
Где лишь пачки с маргарином
Пожелтевшие лежат,
Тем же вечером с повинной
Волк, медведь и два пингвина
Возвратились в зоосад.

ПО ПРИМЕРУ...

Наш сосед Иван Петрович Кузин,
Ветеран труда, пенсионер,
Вышел из семейного союза
На манер Литовской ССР.
Сам теперь постель он убирает,
Сам себе готовит он обед,
Ходит в магазин, белье стирает,
Сам распределяет свой бюджет.
Вслед за ним его супруга Катя
Созвала на брифинг всю семью:
«На себя теперь я буду тратить

До копейки пенсию свою!»
А за ней и сын с женой Тамарой,
Начитавшись всяческих газет,
Вдруг однажды утром, как татары,
Объявили суверенитет.
Только внук не хочет жить отдельно
И семейный разрушать союз —
В том союзе лодырь и бездельник
Тридцать лет прожил, не дую в ус.
И учтя ответственность момента,
Он протест сородичам вручил
Ну и по примеру Президента
Свет и воду в доме отключил...

ИГРА В ПРЯТКИ

Когда высокий гость столичный
Проведать ездил города,
Существовал один обычай
У нас в недавние года:
Что было спрятано на базах —
Шло вмиг в товарооборот,
Чтоб гость высокий понял сразу,
Как хорошо живет народ.
А если ехал Генеральный
В сопровождении гостей,
То все свозили моментально
Аж из соседних областей.
Лоснились туши на прилавках,
Сыры, стущенка, ветчина...
Сегодня в лавках, как и в главках,
Совсем иные времена.
И нынче, если кто наскоком
В уездный город залетит,
То от начальственного ока
Подальше спрячут дефицит.
А вдруг, увидя «изобилье»,

Прикажет «сам», не ровен час,
Отдать туда, где позабыли
Сгущенки вкус и цвет колбас,
В тот городок провинциальный,
Где может только ненормальный
На сыр и масло выбить чек
И где не то что Генеральных —
Простых не видели вовек...

ЛОШАДИНАЯ СИЛА

В Ивановском районе,
В колхозе «Новосел»
Тарас, последний конюх,
На пенсию ушел.
Сказали деду: «Хватит!
Давай-ка на покой,
У нас сегодня в штате
Нет должности такой.
Неужто ты не понял —
Прошла твоя пора,
Кругом стальные кони,
«КамАЗы», трактора.
К чему твой мерин сивый
В эпоху НТР,
Когда теперь на «Ниве»
Гарцует землемер?
Зав. фермой — на мопеде,
На «Волге» — счетовод,
А там, где не проедешь,
Там трактор подвезет!»
Начальству не перечя,
Стоял понуро дед,
И что на эти речи
Сказать он мог в ответ?
Конечно, мерин сивый,
Колхозный ветеран,

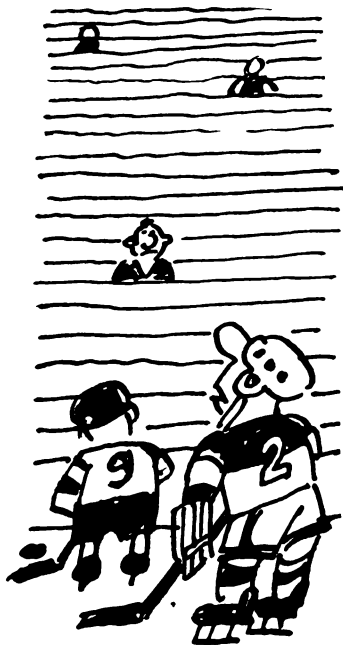
По лошадиной силе
Уступит тракторам.
И не найдешь в деревне
Сегодня днем с огнем,
Кто бы с сохой древней
Тащился за конем.
Да и когда начальство
Затребует в район,
Сто верст в двуколке мчаться,
Конечно, не резон.
Все это так, и все же
Слезу смахнул Тарас,
Обида деда гложет,
А вместе с ним и нас.
Нет, мы не заклинаем
Вернуться в старину —
Без техники, мы знаем,
Сейчас ни тпру ни ну.
И все-таки нелепо
(И выгодно ль едва)
На тракторе с прицепом
Тащиться по дрова.
И самосвал, наверно,
Гонять резона нет,
Чтоб птичницам на ферму
В об.д. свезти обед.
Да и себе накладно
(Не только для казны)
На «Волге» иль на «Ладе» —
К соседу на оладьи
И к теще на блины.
Не зря ли тьму бензина
Изводим мы порой,
Где силы лошадиной
Достаточно одной?
Да и иного рода
Убытки тоже есть,
Которых счетоводам
На счетах не учесть,
Которых финотделам

Не взять на карандаш —
Природа оскудела,
Беднее стал пейзаж
Без пегих и буланных,
Гнедых и вороных...
Не слишком ли мы рано
В тираж списали их?

«НАМ ТАКОЙ ХОККЕЙ НЕ НУЖЕН!..»

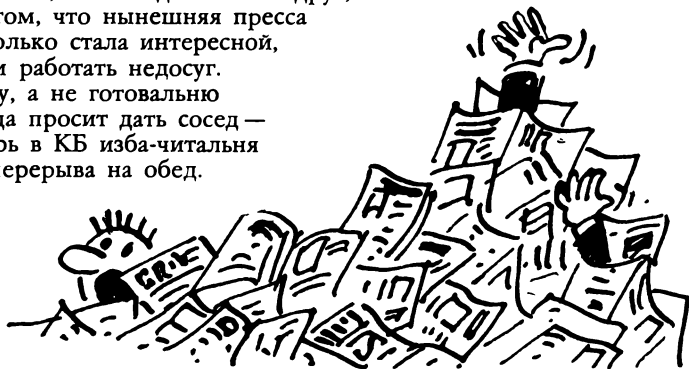
Хоть и мчится время быстро,
Не забыть нам и сейчас,
Как канадских хоккеистов
Мы побили в первый раз,
Как обидчивые профи,
Мировой позоря спорт,
Били наших в фас и в профиль
И швыряли их на борт.
Как коньком судью утюжа,
Их вратарь права качал...
«Нам такой хоккей не нужен!» —
Коля Озеров кричал.
Да, такой хоккей не нужен,
Это верно, но тогда
Объясните, почему же,
Несмотря на дух нам чуждый,
Тянет наших звезд туда.
Может, легче клюшкой драться,
Чем играть с партнером в пас,
Ну а может быть, канадцы
Платят больше, чем у нас?
Так ли, эдак — в общем, грустно —
На трибунах нынче пусто,
Ведь хоккей — он как балет,
Нету звезд — и сборов нет.
С каждым днем дела все хуже,

Тот, кто был с хоккеем дружен,
Дома чай с вареньем пьет.
«Нам такой хоккей не нужен!» —
Говорит теперь народ.

НОВАЯ ПОРА

В КБ, где служит наш приятель,
Настала новая пора:
Никто минуты зря не тратит
На пересуды о зарплате,
О том, какие в моде платья
И как футбол прошел вчера.
Никто не прячется за кульман,
Кроссворд решая в «Огоньке»,
И втихаря никто не курит,
Пока начальство вдалеке.
Никто не дремлет над вязаньем,
Не заполняет «Спортлото» —
Здесь каждый делом нынче занят,
Не отвлекаясь ни на что.
Источник этого прогресса
Не в том, что стыдно стало вдруг,
А в том, что нынешняя пресса
Настолько стала интересной,
Что и работать недосуг.
Газету, а не готовальню
Соседа просит дать сосед —
Теперь в КБ изба-читальня
Без перерыва на обед.

ДЕПУТАТСКИЕ ЧАСТУШКИ

1

Стали в очередь миллионы,
Все сегодня дефицит,
И в Кремле у микрофонов
Тоже очередь стоит.

2

Депутатов горсовета
Так кормили в спецбуфетах,
Что о льготах аппарата
Сразу кончились дебаты.

3

Возвратившись из столицы,
Заявил жене Федот:
«Надо нам определиться,
Я беру самоотвод!»

4

Самогонщик Ваня Санин
В депутаты не попал —
Кто-то Ваню на собрание
Аппаратчиком назвал.

5

У обкомовских подъездов
Черных «Волг» сегодня нет —
Их решили после Съезда
Перекрасить в серый цвет.

6

В детсаду Сережка с Вовкой
Объявили голодовку,
Чтоб партийный аппарат
Смольный сдал под детский сад.

7

В горсовете депутаты
Шесть часов вели дебаты —
Дать ли мэру на доклад
Пять минут иль пятьдесят.

8

Слабый пол мечтает ныне
О таком супермужчине,
Чтоб с мозгами Собчака
И с зарплатой мясника.

9

Дед Кузьма у бабки Насти
Нынче вышел из-под власти,
Написал над туалетом:
«Сгинь, карга, вся власть Советам!»

10

В двух палатах депутаты
Заседают день-деньской,
А была б ума палата,
То хватило б и одной.

ПОКЛОН ЖЭКУ!

Девяностолетняя старушка
Прикатила «всем смертям назло»
Из-под Сан-Франциско в город Пушкин,
То бишь в прошлом в Царское Село.
Ностальгия бабку обуяла,
Ведь она из этого села,
Потому так рьяно дом искала,
Где до революции жила.
И нашла вот по какой примете:
К няне их ходил матрос Артем,

И, пардон, однажды в туалете
Он три буквы начертил ногтем.
И еще, пардон, сливая воду,
Оборвал чего-то он, и вот
С октября семнадцатого года
Из бачка вода здесь не течет.
Бабка всем святым поклоны била,
Что напасть ей помогли на след,
А молиться жэку надо было,
Что ремонт не делал столько лет!

МЕЛОЧИ ЖИЗНИ

ЕСЛИ...

Если мы рэкетиров выловим,
Против мафии всех поднимем
И житья не дадим адыловым
И чурбановым иже с ними,
Если мелких воришек высечем,
Ну, а крупных засадим прочно,
То программу «ЖУЛЬЕ-2000»
Сможем выполнить мы досрочно.

ОБЪЯВЛЕНИЕ

Дала объявление Нина —
На жизнь, мол, свою не ропщу.
Имею и дом, и машину,
Но спутника жизни ищу.
Назавтра знакомиться к Нине
Три «спутника» сразу пришли
И всё на ее же машине
Из дома в момент увезли.

ДОГНАЛИ...

Вот и мы догнали финнов —
Хоть они и меньше пьют,
Там давно уж водку, вина
По талонам продают.
Так что есть прогресс у русских,
Пьянству бой даем опять.
Вот теперь бы по закуске
Нам Финляндию догнать!

ПУСТЯКИ

Казнокрад украл кобылу
У соседа своего,
Что ж ему за это было?
А почти что ничего.
Пожурили с неохотой
В сельсовете старики:
«Угоняют самолеты,
Так что лошадь — пустяки».

СКАЖИ-КА, ДЕД!..

— Скажи-ка, дед, никак я не пойму:
В газетах пишут — пляжи все закрыты,
А отдыхает все-таки в Крыму
Вся, так сказать, кремлевская элита.
И дед сказал, подумав: «Вот что, мать,
Коль строили для них в Крыму спецдачи.
То рядом с ними, надо понимать,
И спецморя прорыли, не иначе...»

ВЕЩИЕ СЛОВА

Что двигало прогресс застойных лет?
Перст указующий и окрик архигрозный:
«Ты мне на стол положишь партбилет,
Коль в срок не сдашь плотину, дом, балет,
Коль в закрома не ссыплешь хлеб колхозный!»
Но где слова найти, чтоб снова в дрожь,
Как и в застой, бросали миллионы?
А вот: «Коль в срок не сдал — тогда положи
На водку за три месяца талоны!»

КАША С КОНЬЯКОМ

— Эх, была б у нас валюта, —
Молвил бабке дед Пахом, —
Мы б сейчас с тобой, Анюта,
Ели кашу с коньяком!

ВЫПЬЕМ С ГОРЯ!

Написал бы вряд ли Пушкин,
Доживи до наших лет:
«Выпьем с горя, где же кружка?» —
Их нигде в продаже нет.

МОРАТОРИЙ

Ваня с Маней год уж в ссоре,
Врозь зарплата и еда,
Только ночью мораторий
Объявляют иногда.

ЗА БОРТОМ

Не врубился сразу Митя
И остался за бортом —
Думал, все бегут на митинг,
А бежали за вином.

УГОНЩИК

Самолет угнал Семенов
В город Вышний Волочек —
Говорят, там без талонов
Продается коньячок.

АЛЬТЕРНАТИВА

Бабка стала жить красиво,
Носит тонкое белье,
Говорят, альтернатива
Появилась у нее.

БРАК ПО РАСЧЕТУ

Почему женился дед
В девяносто с лишним лет —
Чтоб талоны на кальсоны
Дали как молодожену.

ПЛЮСЫ ПЛЮРАЛИЗМА

Глеб все плюсы плюрализма
Ощутить в больнице смог.
Врач сказал: «Поставить клизму»,
А главврач: «Отправить в морг».

АФРИКАНСКИЕ СТРАСТИ

Два студента-африканца
В сельский клуб зашли на танцы.
Этих танцев результат —
Восемнадцать негритят.

НОВАЯ АКСИОМА

Аксиому бы иную
Нынче вывел Архимед:
«Дайте точку мне пивную —
Я куплю весь белый свет».

ПОСЛЕДНИЙ ПУТЬ

На секс-фильм привел наследник
Бабку в видеосалон,
А назавтра в путь последний
Проводил старушку он.

СЛУЧАЙ НА ТАМОЖНЕ

На таможене бабу к дочке
Не пустили в Геную —
Говорят, что камни в почке
Были драгоценные.

ДЕНЬ ПОБЕДЫ

Четвертинку в День Победы
И тушенку дали деду,
Что ж — поклон военкоматам:
Все точь-в-точь как в сорок пятом.

600 СЕКУНД

Мы «600 СЕКУНД» смотрели,
В каждом кадре — страх и жуть,
Сам Невзоров две недели,
Говорят, не мог заснуть.

ПЕРЕХОД

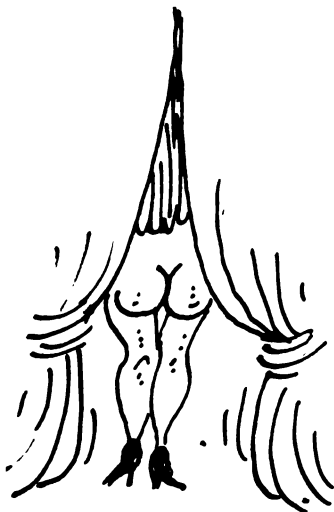
Рынок наш народ спасет.
Это нынче ясно всем нам,
Только б к рынку переход
Для него не стал подземным!

В МИРЕ ИСКУССТВА

ГОЛЫЙ КОРОЛЬ

Один король к какой-то дате
Решил устроить пышный бал
И сногшибательное платье
Ткачам заезжим заказал.
Ткачи-рвачи украли с ходу
Все то, что им казна дала,
И наш король перед народом
Предстал в чем мама родила.
И вот, сверкая голым задом,
Спешит король на торжество,
Весь двор в восторге от наряда,
Хоть видят все, что нет его.
И вдруг задорный детский голос
Снял пелену с притворных глаз:
«Смотрите, а король-то голый!..»
Простите нас за пересказ,
Но мы недавно сказку эту
В театре видели одним
С таким же в общем-то сюжетом,
Но в преломлении ином.
Был гол не только венценосец,
А также вся его семья,
И рядом с ним, одежды сбросив,
Шагали графы и князья.
Ну, а графини и княгини,
Сопровождающие их,
Пришли на бал в одних «бикини»,
А кто-то даже и без них.
И даже мальчик тот веселый,
Разоблачивший лживый строй,
В финальной сцене вышел голый
С мамашей голой и сестрой.
Когда в финале песнопеньем
Закончил сказку голый хор,

Один лишь был в штанах на сцене —
Создавший это представление
Весьма известный режиссер.
Конечно, трудно нынче драме,
Не переплюнуть ей печать,
Одними голыми руками
Сегодня зрителя не взять.
И вот другие части тела
Нам демонстрируют уже.
Но есть же все-таки пределы
Мужских и дамских неглиже.
Конечно, проще задом голым
Интриговать смущенный зал,
Чем «жечь сердца людей глаголом»,
Как классик некогда сказал!

СПОНСОР

У театра-студии «Сифон»
Спонсор — винно-водочный завод,
Режиссеру тыщу платит он,
А актерам в месяц — по пятьсот.
У театра множество идей,
Планов грандиозных до черта,
Только вот в партере нет людей,
Да и на галерке — пустота.
Чтобы было публики полно,
Об одном мечтает коллектив:
Хорошо бы спонсор заодно
По червонцу зрителю платил.

СПРУТ

Вся страна опять смотрела «Спрута»,
Отвлекаясь от дневных забот.
Детектив неплох, но почему-то
Интерес к нему уже не тот.

На экран теперь бросают взгляды
Женщины из кухни лишь когда
Новая любовница Коррадо
В новых появляется нарядах
Фирмы «Пьер Карден» или «Бурда».
А мужчин другое занимает —
Привстает с диванов большинство,
Если все с себя она снимает
И в постель к себе кладет его.
Почему ж так быстро охладела
К этому шедевр у вся страна?
Разобраться толком, в чем тут дело,
Помогла гражданка нам одна:
«Нам своих хватает детективов —
Каждый вечер в сводках МВД
Видим мы бандитов, рэкетиоров,
Интерпроституток и т. д.
Что нам их убийцы, наркоманы,
Хулиганы пьяные с ножом —
Эти ждут нас только на экранах,
Наши — ожидают за углом».

С «ХРИСТОМ» ЗА ПАЗУХОЙ

У магазинов грампластинок
С названьем модным «Мадригал»
Великовозрастный детина
С «Христом» за пазухой стоял.
Нет, не с церковною иконой,
Где божий лик в венце из роз,—
С пластинкой, что из-за кордона
Турист смекалистый привез,—
«Суперзвезда Иисус Христос».
Пустынно было в «Мадригале» —
На танго, румбы, хали-гали
Клиент давно махнул рукой,
А на «Христа» был спрос такой,
Что чуть детину не распяли.

О нездоровом интересе
Ко всяким «рок», ко всяким «поп»
Уже не раз писалось в прессе
И между строк, и прямо в лоб.
С огромным творческим накалом
И композитор, и поэт
Писали целые «подвалы»,
Вели дискуссии в журналах...
«Подвалы» есть, а сдвигов нет.
И спекулянт у магазина
«Христом» торгует неспроста.
...Пиши музыку, композитор,
Не жди пришествия «Христа»!

МИНИ-МЕМУАРЫ

Мемуары сейчас пишут все: и чекисты, и артисты, и шахматисты, и экономисты. Не миновало это увлечение и нас. Но в отличие от «серьезных» мемуаристов мы, встречаясь с разными знаменитостями, запоминали только смешное. Некоторые из этих историй мы предлагаем вашему вниманию.

ВОТ И ВСЯ ЦЕНЗУРА!..

Нынешний наш министр культуры Н.Губенко, будучи по профессии актером, еще и сейчас выступает на сцене Таганки.

А вот доводилось ли вам видеть министра культуры, который бы открывал и закрывал театральные занавесы, — ведь обязанность это машиниста, за что ему и деньги платят. А чтоб министр, да еще бесплатно! Такое не часто увидишь. А мы — видели...

Было это во времена хрущевской оттепели и пышных фурцевских концертов, венчавших многочисленные совещания хлеборобов и хлопкоробов, докторов, поваров, писателей, читателей... Тогдашний лидер обожал встречаться с народом и наставлять его на путь истинный.

Вероятно, для этой цели и соорудили тогда Кремлевский Дворец съездов, а по его подобию — многочисленные областные дворцы: ведь Никита Сергеевич мог ненароком нагрянуть и туда, он был легок на подъем и не только — сельского хозяйства.

Куда бы он ни приезжал, программа была одинаковой: выборы почетного президиума во главе с ним, затем его же доклад, выступления старого производственника, молодого передовика, бойкой комсомолки, пионеров со стихотворным приветствием — и снова Никита Сергеевич с заключительным словом. Потом небольшой перерыв, а после перерыва — большой концерт. Непременными участниками этих концертов были знаменитые в ту пору ленинградские артисты П.Рудаков и В.Нечаев. И каждый раз зритель давался диву: как можно за каких-то 15 минут сочинить и выучить частушки на темы, только что подобранные прорабом тогдашней перестройки.

В эпоху рассекречивания всех секретов откроем и этот: писали те сверхзлободневные частушки мы, и не за 15 минут до концерта, а часа за два до начала совещания. Тогдашние лидеры читали свои речи, как правило, по бумажке. Копии этих бумажек заранее получала министр культуры СССР Е. А. Фурцева, передавала их со своими пометками министру культуры РСФСР А. И. Попову, а тот, обедая красным карандашом дозволенные для сатиры мишени, — нам.

Написать частушки на заданные темы для авторов-профессионалов было делом техники. Нетрудно было и Рудакову с Нечаевым наклеить листочки с частушками на гитару и концертно и поражать своей оперативностью притомившегося от совещания зрителя и всегда неутомимого Никиту Сергеевича. Порой казалось, что от успеха Рудакова и Нечаева зависит успех всего совещания — не зря А. И. Попов, выпуская их на сцену, крестился, хотя отношения высокого начальства с богом были в те времена более натянутыми, чем сейчас.

Самая сложная роль, конечно, была у А. И. Попова. Кроме того, что он давал занавес, выпускал артистов, он должен был еще быть и цензором их текстов. Ведь это только в поговорке все просто: «Утром в газете, вечером — в куплете». Чтобы вечером пропеть про то, что утром писалось тогда в газетах, нужно было минимум две недели. А тут — два часа. Всю ответственность приходилось брать на себя министру. Ох, и тяжело давалась ему роль цензора! С одной стороны, частушка должна была бичевать недостатки, а с другой (не дай бог!) — не обобщать их. Скажем, частушка:

*Старой лапотной Россией
Называл нас Вашингтон,
А мы недавно запустили
«Лапоть» весом в восемь тонн —*

не вызывала никаких сомнений: во-первых, она вещала о наших космических успехах, а во-вторых, была этим лаптем по Вашингтону. Частушка:

*Новость в Туле появилась —
Добавляют ветки в силос.
Бык отведал тульский силос —
Все в глазах перекосилось, —*

хотя и была «острой», но не «обобщала», в ней был указан конкретный адрес — Тула. А чем кормили скот в других областях, было уже проблемой других совещаний.

Самыми трудными и для авторов, и для «цензора» были так называемые «переходные» частушки. Дело в том, что каждое вы-

ступление Хрущева состояло из двух частей: если в первой он говорил о том, как надо сеять или строить, то уж во второй — непременно о международном положении. Соответственно и Рудаков с Нечаевым половину частушек посвящали внутренней жизни, половину — международной. Помним, как на пленуме Союза композиторов, где Хрущев сперва долго учил их, как писать музыку, а потом перешел к политике, мы сочинили такую «переходную» частушку:

*Наш Громыко круглый год
Пишет много разных нот...*

«Неплохо! — ободряюще кивнул нам А. И. Попов. — Вроде бы и про музыку, а в то же время переход к международной тематике!» Но, услышав вторую половину частушки, сразу сник:

*Ноты те наверняка
Оркеструются в ЦК.*

Он понимал, что за такую частушку можно запросто загреметь в машинисты сцены и открывать занавес не только в дни торжественных совещаний, но и ежедневно. Конечно, частушки не прошли...

Кончилась оттепель, кончились и частушки. Наступило время гимнов и од. Исчезли с эстрадного Олимпа и Рудаков с Нечаевым. Первый из них поселился в деревне под Ленинградом, второй руководил эстрадной мастерской и лет пять тому назад скончался.

И вдруг недавно мы снова увидели на афишах знакомое имя: «Заслуженный артист РСФСР Павел Рудаков». Интересно, что он сейчас делает? Неужели снова поет частушки — сейчас, во времена Хазанова, Жванецкого, Задорнова? Сейчас, когда все стало наоборот: вечером в куплете, а утром — в газете... Поет! И с большим успехом! Сами свидетели. Оказалось, что этот забытый жанр еще любим зрителем.

— Может, тряхнете стариной? — сказал нам Павел Васильевич. — Понимаю, четверть века прошло, вы теперь только комедии пишете, но по старой-то дружбе, а?

И мы тряхнули — по дружбе. Утром тряхнули, а вечером он уже их исполнял. И без всякого цензора:

*Помню, лозунг был в районе:
«Мы Америку догоним!»
Да чего там вспоминать —
Нам бы Африку догнать!
По статистике последней
Есть успехи кое в чем:*

*Мы едим всех меньше в среднем,
Но зато всех больше пьем.
Мастер-кровельщик из Штатов
В нашем СМУ работал год,
В результате «кроет» матом,
А железо продает.*

Если бы четверть века назад нам сказали такое, мы бы умерли от смеха!

ДИПЛОМАТИЧЕСКИЙ ТАКТ

«Театр — это университет жизни», — сказал кто-то из великих. Не будем спорить с этим, хотя некоторые театры можно было бы причислить к учебным заведениям рангом пониже, скажем, к средней школе или ремесленному училищу. Дело не в этом! Театр действительно учит жить. И учит не только зрителей, но и драматургов. Лично нас он научил многому.

Если согласиться с тем, что театр — университет, то самым главным факультетом в нем будет факультет дипломатии, а самым главным предметом — дипломатический такт. Лично мы «столкнули» этот предмет, как говорят студенты, только со «второго» захода...

В 1962 году Ленинградский театр музыкальной комедии поставил нашу оперетту «Олимпийские звезды». Музыка к ней написал замечательный советский композитор Василий Павлович Соловьев-Седой.

Василия Павловича очень любили ленинградцы, и на премьере было море поклонников и океан цветов. Мы были на седьмом небе от счастья. Но умудренный опытом Василий Павлович спустил нас с небес на землю: «Подождите два-три спектакля, когда схлынут ваши родственники и мои друзья и придет рядовой зритель — не по контрамаркам, а по билетам».

Он оказался прав. Даже его прекрасная музыка не могла прикрыть многочисленные бреши нашей первой в жизни пьесы. Несмотря на громкое имя Соловьева-Седого, кроме Ленинграда, пьесу поставил только Волгоград. Узнав об этом, он пошутил: «Кажется, есть надежда, что ее будут ставить только города-герои — они и не такое выдержали!»

И вдруг мы узнали, что ее поставил город N. Причем постановщик написал нам, что он решил спектакль совершенно по-новому.

Заинтригованные, мы все втроем отправились на премьеру. Последствия этого культпохода были ужасны. Но сперва — небольшой экскурс в опереточную драматургию. Дело в том, что наш спектакль шел назавтра, а в день приезда нам пришлось посмотреть оперетту К. Листова «Севастопольский вальс».

Любители оперетты, очевидно, помнят ее сюжетную коллизию: 1942 год, Севастополь, отряд морской пехоты готовится к неравному бою. Именно в эту минуту командир отряда лейтенант Аверин получает письмо от любимой жены. Не выдержав разлуки, она уходит к благоустроенному тыловику. В оркестре звучит трагическая музыка, и артист, играющий Аверина, хватается за сердце. Влюбленная в него молоденькая санитарка Любаша подает ему солдатскую флягу с живительной пресной водой. Благодарный лейтенант обещает Любаше станцевать с ней первый вальс после победы и уходит в бой. В тот самый день, когда после войны он появится в Севастополе, туда же приезжает на гастроли его бывшая жена — певица из филармонии. И когда в Доме офицеров после ее концерта начинаются танцы, она, не дожидаясь, когда Аверин пригласит на вальс Любашу, приглашает его сама. Слабонервные зрители в этом месте достают носовые платки. Их нетрудно понять! Как же можно бросить молодую красивую Любашу, чья верная любовь вдохновила лейтенанта на боевые подвиги, и пойти танцевать с не очень молодой да к тому же неверной супругой?

На этой сцене кончается второй акт. Ну а в третьем зрители с лихвой вознаграждаются за все переживания. Аверин наконец-то влюбляется в Любашу и танцует с ней севастопольский вальс.

Несколько ироническим изложением сюжета мы ничуть не хотели умалить достоинства пьесы, которая много лет с успехом шла в театрах. И неизменно симпатии зрителей были на стороне Любаши, а предавшая любовь певица активно осуждалась зрительным залом.

Настроенные на такого рода переживания, мы начали смотреть спектакль. Отзвучала увертюра, открылся занавес, моряки затянули бодрую песню, и Аверин начал читать то самое роковое письмо. Как только он схватился за сердце, со спасительной флягой появилась санитарка Любаша.

В этом месте мы, как по команде, вздрогнули и переглянулись. Вместо молоденькой симпатичной девушки по сцене шагла солидная дама, едва вмещающаяся в солдатскую гимнастерку. Даже не имея под рукой ее паспортных данных, можно было сказать, что эта «юная санитарка» годится лейтенанту в мамы... А если посмотреть в бинокль — то и в бабушки.

С этой минуты пьеса «зазвучала по-новому»...

Все симпатии зала мгновенно завоевала бывшая жена лейтенанта, тем более что ее играла молодая симпатичная блондинка с большими голубыми глазами и отличной фигурой. И когда Аверин вместо Любаши пригласил на вальс бывшую супругу, зрители облегченно вздохнули, и их нетрудно было понять. Как же можно танцевать пусть даже с преданной и верной, но такой некрасивой и немолодой санитаркой, когда рядом пусть даже не очень верная, но зато такая молодая голубоглазая певица!

В третьем акте, когда Аверин возвращается к Любаши, слабонервные зрительницы, не скрывая разочарования, плакали навзрыд.

Когда опустился занавес и в зале зажегся свет, к нам в ложу вошел режиссер.

— Ну, как вам наша Любаша? — интимно подмигивая, спросил он.

Умудренный опытом Василий Павлович сделал вид, что не расслышал вопроса. А мы — молодые и горячие — бросились в бой:

— Это ужасно!

— Это возмутительно! — кричал другой. — Неужели в театре не нашлось молодой симпатичной актрисы? Почему Любашу играет такая гримза? Где вы ее откопали? Кто эта актриса?..

Покрасневший как рак режиссер с трудом выдавил из себя три слова, от которых покраснели уже мы: «Это моя жена!»

Вот так мы завалили свой первый театральный экзамен. Завалили без права пересдачи. Ни одна из наших пьес больше не ставилась в этом городе. Говорят, главный до сих пор нервно вздрагивает при упоминании наших фамилий. Ну, а мы до сих пор благодарны ему за науку.

Стоит нам только увидеть в каком-нибудь театре пожилую актрису, исполняющую роль молоденькой героини, мы, не дожидаясь вопроса главрежа, говорим: «Восхитительно! Какая актриса! Какое мастерство! Какое проникновение в образ! Вот у кого надо учиться молодежи! Правильно, что не дали эту роль какой-нибудь молоденькой вертихвостке! Загубила бы всю пьесу! Счастье, что у вас в театре есть такая актриса!..» Сияющий режиссер трясет нам руки и, застенчиво улыбаясь, переходит на интимный шепоток: «Между прочим, это моя жена...»

— Неужели! — как можно искренней восклицаем мы. — Что же вы сразу не сказали?! Скрывать такой талант!..

Вконец расчувствовавшийся режиссер заключает нас в объятия и шестикратно целует (по три раза каждого).

Вот что значит дипломатический такт! И мужу приятно, и нам хорошо. Особенно если жена главного режиссера играет главную роль не в нашей пьесе.

«НЕКИЙ» ХАЗИН

Об Александре Абрамовиче Хазине мы узнали еще школьниками из печально знаменитого постановления ЦК КПСС о журналах «Звезда» и «Ленинград». Тогда единственно знакомой для нас фамилией в нем была фамилия Зощенко. Анну Ахматову, также обвиненную в отрыве от народа, мы попросту не знали (так учили тогда в школах — без Достоевского, без Платонова, без Ахматовой и многих других).

Хазин был назван в этом постановлении «неким». Его сатирический фельетон «Возвращение Онегина», в котором пушкинский герой прогуливался по Ленинграду, был по нынешним временам абсолютно безобидным. Не коррупция, не проституция, не наркомания волновали героя, а мелкие неурядицы быта: кто-то нахамил ему, кто-то спер в трамвае его перчатки... Но тогдашнего главного идеолога А. А. Жданова возмутило и это, тем более что совсем недавно он был «хозяином» города и уехал с повышением в Москву, считая, что оставляет его в идеальном порядке. «Некий» Хазин был заклеямен, разоблачен и отлучен от литературы. Остается загадкой для литературных следопытов, каким чудом не пострадал при этом Аркадий Райкин, с блеском исполнявший на эстраде этот фельетон.

Мы учили в школе это постановление (вместо стихов Ахматовой), и сдавали его при поступлении в вуз (вместо романов Достоевского), и не ведали, что судьба через несколько лет сведет нас с этим «неким» Хазиным, который вопреки постановлению окажется одним из самых честных, талантливых и идейных людей, встреченных нами на жизненном пути.

Было это в Саду Отдыха, куда мы, начинающие эстрадные авторы, принесли свои творения тогдашним звездам эстрады — П. Рудакову и В. Нечаеву.

Звезды приняли нас запросто, на садовой скамейке. Вдруг на аллее появился приземистый, рано поседевший мужчина и направился прямо к той скамье, где мы разложили свои эстрадные опусы. По тому, как быстро и почтительно вскочили со скамьи звезды, мы поняли, что это не просто очередной эстрадный автор, пришедший к ним на поклон. Он передал Рудакову и Нечаеву какие-то бумаги и, лукаво подмигнув нам, удалился со словами: «Не буду портить вам коммерцию...»

— Балашов! — сказали Рудаков и Нечаев, глядя ему вслед.

— Кто, кто? — спросили мы.

— Ну, Хазин... который в постановлении... Пишет для нас интермедии...

Только потом мы узнали, что Хазин после постановления ЦК вынужден был некоторое время писать под псевдонимом, что-

бы не раздражать чиновников от культуры. Впрочем, что тут удивительного, если знаменитый Михаил Зощенко многие годы не мог публиковать свои рассказы, а существовал на переводы с финского языка!..

Александр Абрамович Хазин (а наши встречи с ним впоследствии стали постоянными) оказался веселым, остроумным собеседником, что в его положении «человека из постановления» было делом непростым. Непринужденная, веселая обстановка царила у него и в доме, где главенствовала его жена Тамара Вячеславовна Сезеневская, актриса Театра комедии. Вышла она за него замуж в те самые дни, когда он стал «неким» (поступок, заставляющий вспомнить жен-декабристок). Примечательно, что ближайшие друзья А. Хазина еще много лет после его смерти собирались отмечать его дни рождения. И это — в наше жестокое время, когда человека пороку забывают на следующий день.

Гордимся, что рекомендацию о приеме в Союз писателей дал нам именно он. Подписывая ее, он лукаво усмехнулся: «А вы не боитесь, молодые люди, — ведь постановление обо мне еще не отменено?..»

Жил он в «писательском» доме на улице Братьев Васильевых, где внизу помещалось пошивочное ателье. Здесь некоторые нестандартные (по фигуре) писатели шили пальто и костюмы. Однажды, провожая его, мы пошутили: «Когда-нибудь этот дом украсит табличка: «Здесь шил и работал Хазин». Пошутив, мы как-то замялись — шутка получилась с «гробовым» оттенком. Заметив наше смущение, Хазин сказал: «И меня эта пошивочная тоже наводит на грустные мысли. Когда я еще печатался под своей фамилией, один сверхбдительный редактор предложил 20 исправлений в моем стихотворном фельетоне из 16 строк, чтобы они устроили всех — и главного редактора, и его зама, и всю редколлегия. Знаете, что я ему сказал? Есть только один костюм, который впору и толстому, и тонкому, длинному и короткому. Но это — саван».

Хазин никогда не терял юмора и оптимизма. Едва только повеяло «оттепелью», он, битый-перебитый, организовал при Ленинградском Доме писателя сатирический альманах «Давайте не будем!», в чем ему активно помогали И. Меттер и Б. Рест. Этот альманах стал прародителем многочисленных «капустных» бригад, возникших впоследствии при домах творчества. На его спектакли, в которых играли ведущие актеры Театра комедии, попасть было труднее, чем сейчас на Хазанова или Пугачеву. Счастливицы рассказывали на следующий день о смелых островах, о сценах, в которых разделялись «под орех» некомпетентные руководители. Вспоминается прекрасная пародийная сцена

«Фигаро здесь, Фигаро там». Все узнавали в ней высокопоставленного чиновника от культуры В. Пименова, которого перебрасывали с одного руководящего поста на другой. Очень смешным был мини-балет «Родная зябь», высмеивавший лакировочные сельские романы. Хлеб-соль на сельской свадьбе вручали не молодоженам, а секретарю райкома, вокруг которого и танцевали все действующие лица. Уморительно веселой была и сценка, в которой спорили между собой писатели и критики. Первые входили с лукошками, напевая: «А мы прозу сеяли, сеяли...», а вторые, наступая на них, повторяли: «А мы прозу вытопчем, вытопчем!»

Мы уже писали о том, что волею судеб А. Хазин много работал для эстрады. Автор на эстраде, как правило, фигура безымянная — не только в силу своего бесправия, но и из-за удивительной похожести произведений разных авторов.

А вот Хазина на эстраде нельзя было спутать ни с кем. Его сцены и интермедии были написаны настоящим литературным языком, без скидок на жанр, а многие фразы афористичны, крылаты: «Не поймите меня правильно...», «Партия учит нас, что газы при нагревании расширяются...» — так выражается «деятель», руководящий наукой.

Это все из программы «Волшебники живут рядом», написанной им для Аркадия Райкина. Какое-то время он (как впоследствии и М. Жванецкий) был завлитом в театре. Райкин любил, чтобы не только волшебники, но и писатели были с ним рядом.

Авторитет Хазина на эстраде был очень высок. Его скетчей, интермедий, фельетонов добивались ведущие артисты эстрады, его назначали судить всевозможные конкурсы.

Однажды и мы попали с ним вместе в жюри какого-то эстрадного конкурса. В то время микрофоны не были еще в моде у певцов, а музыканты обходились без электроаппаратуры. И вот на сцену выходят музыканты, с головы до ног опутанные проводами. Они еще не успели подключить в электросеть свои инструменты, как Александр Абрамович громко, на весь зал, произнес: «Ансамбль имени ГОЭЛРО!»

Только не подумайте, что Хазин любил красоваться в жюри и президиумах — всякая суета претила его скромному нраву. Даже свое шестидесятилетие он отметил не так, как было принято раньше (да и теперь еще тоже), — с приветственными адресами от фабрик и заводов, от милиции и войск гарнизона. В этот день он просто не вышел из дома. Желающие отметить его юбилей поехали к нему домой без приглашения. В его небольшой двухкомнатной квартире звучали искренние здравицы в прозе и в стихах. Вот несколько строк из нашего поздравления:

*Как ни пытался «некий» Жданов
До срока сдать тебя в тираж,
Не потерял, по нашим данным,
Ни юмор ты и ни кураж.
Универсален ты на диво —
Театр, эстрада и экран,
И, говорят, в твоих архивах
Лежит блистательный роман...*

Две последние строки из этого поздравления имели в жизни продолжение. Спустя много лет, когда с полок стали доставать неразрешенные фильмы, а из ящиков писательских столов — запрещенные рукописи, открылся и архив Хазина. По просьбе его вдовы мы отредактировали и подготовили к печати тот самый роман, о котором упоминали в приветствии. «И. О. — Исполняющий обязанности» — так назывался он. Это была сатира в духе Ильфа и Петрова на нравы наших 40—50-х годов и на законодателей этих нравов, по чьей воле автор так и не увидел роман напечатанным при жизни. Вскоре он выходит в издательстве «Советский писатель», а недавно газета «Правда» поместила несколько глав из него с портретом.

О таком повороте событий Хазин не мог и мечтать. Он был сатириком, а не фантастом и не предвидел, что времена так изменятся...

СОДЕРЖАНИЕ

И СМЕХ, И СЛЕЗЫ...

Русские жены	3
Секреты секса	4
«Банкир»	4
У дверей	5
Америка России...	6
Зачем?...	7
Родительское собрание	8
Конкурс красоты	11
Три письма	12
Дураки	14
Идя навстречу...	15
Законный вопрос	15
Антибасня	16
По примеру...	16
Игра в прятки	17
Лошадиная сила	18
«Нам такой хоккей не нужен!..»	20
Новая пора	21
Депутатские частушки	22
Поклон жэку!	23

МЕЛОЧИ ЖИЗНИ

Если...	26
Объявление	26
Догнали...	26
Пустяки	27
Скажи-ка, дед!.. . . .	27
Вещие слова	27
Каша с коньяком	28
Выпьем с горя!	28
Мораторий	28
За бортом	28
Угонщик	28
Альтернатива	29
Брак по расчету	29
Плюсы плюрализма	29
Африканские страсти	29
Новая аксиома	29
Последний путь	30
Случай на таможне	30
День Победы	30

600 секунд	30
Переход	30

В МИРЕ ИСКУССТВА

Голый король	32
Спонсор	33
Спрут	33
С «Христом» за пазухой	34

МИНИ-МЕМУАРЫ

Вот и вся цензура!.. . . .	37
Дипломатический такт	40
«Некий» Хазин	43

**КОНСТАНТИНОВ Владимир Константинович,
РАЦЕР Борис Михайлович**

СМЕХ, ДА И ТОЛЬКО!..

Сатирические стихи и фельетоны

Редактор А.С.Пьянов

Техн. редактор Л.И.Курылова

Сдано в набор 21.12.90. Подписано к печати 28.01.91.
 Формат 70 × 108^{1/32}. Бумага типографская № 2.
 Гарнитура «Гарамонд». Офсетная печать. Усл. печ. л. 2,10.
 Усл. кр.-отт. 2,45. Уч.-изд. л. 2,59.
 Тираж 75000. Заказ № 7. Цена 30 коп.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография
 имени В.И.Ленина издательства ЦК КПСС «Правда».
 125865, ГСП, Москва, А-137, ул. «Правды», 24.

© Издательство ЦК КПСС «Правда». Библиотека Крокодила. 1991.

30 коп.

Индекс 72996

ISSN 0132-2141

№ 6

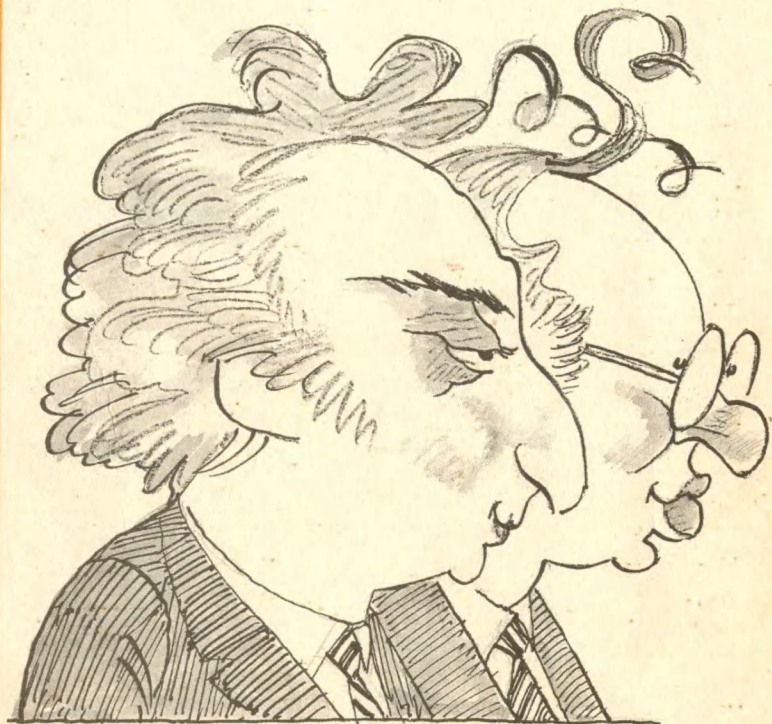
Владимир КОНСТАНТИНОВ,
Борис РАЦЕР

СМЕХ, ДА И ТОЛЬКО!..

ISSN 0132-2141. Б-ка Крокодила. 1991. № 6. 1—48.

Шарж В. МОЧАЛОВА

Пока один корпсеет над строкою,
Другой из нас бежит к редакторам.
Когда похвалят — нам приятней вдвое,
А поругают — горе пополам!

Вконеч. Б. Райер

На дворе хозрасчет. Значит, экономить надо буквально на всем. На чем может экономить автор книги? Только на предисловии. Чтоб не платить за это «человеку со стороны», мы решили написать его сами. Самому себя хвалить неловко, стало быть, будешь краток, а это экономия бумаги.

Итак, в 1930 году мы родились, затем учились, женились, объединились, работаем вместе 33 года и не собираемся, как это сейчас модно, разъединяться.

Несмотря на плюрализм, у нас полный консенсус, чего и вам желаем!

Вот и все предисловие. Оставляем читателю возможность для собственных оценок, а издательству — еще немножко бумаги.